

Духовный мир В.И. Вернадского: ученый и книги (к 150-летию со дня рождения)

В статье рассматривается влияние книги на формирование научного и культурного мировоззрения В.И. Вернадского (1863—1945) — крупнейшего ученого и мыслителя. Использован принцип дневниковых записок. Сделана попытка по научным работам, выступлениям, дневникам, письмам и воспоминаниям об ученом восстановить сложнейший духовный феномен В.И. Вернадского и определить место книг и библиотек в его жизни.

Ключевые слова: В.И. Вернадский, ученый, дневник, письмо, воспоминание, книга, библиотека.

Научные и общественные труды Владимира Ивановича Вернадского — крупнейшего ученого, общественного и государственного деятеля, организатора науки — признаны во всем мире. По широте научного кругозора и разнообразию открытий В.И. Вернадский стоит особняком среди других великих деятелей науки. История его долгой и плодотворной жизни описана во многих источниках, но несмотря на это соприкосновение с жизнью выдающегося мыслителя не может не вызвать всплеска чувств в душе у каждого неравнодушного человека. Возникает желание узнать, что же формировало его научное и культурное мировоззрение, приоткрыть завесу феномена его личности.

В.И. Вернадский оставил в наследство огромное собрание писем, дневниковых записей и научных работ. Он не сомневался в их ценности и берег эти документы для потомков, щедро отдавал свои знания, все сокровища души, доброжелательно впуская нас в свою жизнь, чтобы мы могли почерпнуть из его бесценного опыта малую толику знания о великих законах природы и общества.

Книги и библиотеки сыграли огромную роль в становлении В.И. Вернадского как личности и как ученого. Известно, что человек в течение жизни прочитывает от трех до пяти тысяч книг. При подготовке магистерской диссертации (1891) В.И. Вернадский использовал 600 источников, при защите докторской (1897) — свыше тысячи, а библиография в книге «Очерки геохимии» (1927) составила 1200 наименований.

Интерес к книгам проявился у него уже в раннем возрасте. «Самыми светлыми минутами (дет-

**Виктория Ивановна
Спирова,**
директор Научной
библиотеки
Таврического национального
университета
им. В.И. Вернадского,
(Симферополь, Украина)

ства) представляются мне в это время те книги и мысли, какие ими вызывались. Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца, довольно большой... Но в эти первые годы я особенно помню разные географические книги... например, Реклю “Земля” и затем... “Великие явления и очерки природы”; последней книгой я положительно зачитывался и до сих пор помню страшно сильное впечатление, какое произвело на меня описание моря, кажется из “Фрегата Паллады” Гончарова...», — писал Владимир Иванович в июне 1886 г. в письме к будущей жене Наталье Егоровне Старицкой [5, с. 30].

Вспоминая о своих читательских интересах гимназического периода, Вернадский делает запись в «Хронологии»: «В гимназии я очень интересовался историей церкви, (священник М. Соколов) давал [книги] из своей библиотеки и из [библиотеки] гимназии. Очень много пользовался библиотекой В. Кулжинского... Главное дала домашняя жизнь — десятки журналов, русских и иностранных, которые выписывал отец. Я пользовался еще большой библиотекой моего друга по классу Дьяконова... Отец его, видный чиновник, имел огромную библиотеку, которой я пользовался, кажется, в одном из последних классов» [11, с. 24].

В другом июньском письме 1886 г. к Н.Е. Старицкой, говоря о религиозных воззрениях своего детства, он вспоминал: «Я любил всегда чудесное, фантастическое; меня поражали образы “Ветхого Завета”, и я теперь еще помню то наслаждение, с каким я читал историю Саула и Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялись Авель и Каин и т. д. <...> Я создал себе какую-то религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду» [6, с. 102]. В более позднем письме Владимир Иванович так писал о читательских интересах в студенческие годы: «Я еще помню целый ряд мыслей, которые дали мне первые углубления в естественные науки, так как первые более сознательные чтения в этом отношении были у меня в Павловском парке. Обыкновенно с книгой я удалялся далеко в глухие места, и здесь “Космос” Гумбольдта, “Космология” Путяты, астрономические статьи Лапласа, Проктора и других дали мне необычайно много» [6, с. 106].

Дочь В.И. Вернадского Нина вспоминала: «Отец учил меня сознать человека, как часть мира. Он так много знал и помнил о разных вещах. Мои родители жили очень просто, одевались тоже

просто. Это не то, что они жалели деньги. Книги, например, покупались за любую цену» [12].

Доктор геолого-минералогических наук А.М. Фокин описывает стиль работы В.И. Вернадского с книгой: «Ознакомление с книгами, благодаря опытности в обращении и твердой целеустремленности научных интересов Владимира Ивановича, делалось с большой быстротой. Он оставлял пометки карандашом — очень слабые и тонким почерком, чтобы легко можно было их стереть резинкой, и брал из готовой пачки обрезки и листы белой бумаги, надписывая наверху номер страницы. Перед ним лежали листки бумаги, на которых он уже чернилами самопишущей ручкой заносил выписки и свои замечания — скелет будущей работы. Так набрасывались целые страницы, собиравшиеся в картон. Работа была чрезвычайно напряженной. В эти утренние часы, со свежей головой, Владимир Иванович формулировал положения, которые у него складывались и обдумывались в течение дня» [6, с. 191].

Владимир Иванович, хорошо владея европейскими языками, свободно читал научные и художественные произведения в подлинниках.

От научных сотрудников своего института он требовал знания языков в таком объеме, чтобы они могли сами читать иностранные книги и статьи, а не знакомиться с ними в устном или письменном переводе, в который могут вкрасться ошибки и искажения. Память на прочитанное у него была изумительная, он никогда не забывал и не ошибался в цитатах, никогда не путал одну книгу с другой. Если ему хотелось вторично прочитать что-нибудь, давно прочитанное, он давал всегда правильные и точные сведения, по которым можно было вновь заказать эту книгу. Владимир Иванович также ценил память на книгу и у других людей.

Среди книг, которые читал В.И. Вернадский, значительное место занимали произведения писателей и поэтов различных стран и эпох, книги по истории искусства. «С наслаждением читаю Марка Аврелия: Самонаблюдения. Какая чудная вещь, как много в этом сочинении человеческого, сильного, как много, много мыслей рождается при ее чтении», — сообщает ученый Наталье Егоровне 4 августа 1888 г. [11, с. 63].

В 1890 г. в письме к жене он пишет: «Чтения античных авторов способствуют реализации задуманной мной истории научных идей, и теперь я все более и более знакомлюсь с древним миром, для тебя выбираю для чтения только то, что считаю возможным при наивозможно меньшей трате времени (Софокл, иные диалоги Платона), а теперь

В.И. Вернадский

просил тебя прочесть летопись Тацита» [6, с. 295]. В другом письме он продолжает тему Тацита: «Какие прекрасные есть страницы у Тацита о преследовании мысли. Я горячо хочу, чтобы ты прочла его “Анналы”» [6, с. 224].

Сам ученый, отвечая на вопрос анкеты «Любите ли вы художественную литературу?», писал: «Художественную литературу люблю и за ней внимательно слежу. Очень люблю искусство, живопись, скульптуру» [6, с. 110]. Об этом же говорит Б.Л. Личков в статье «В.И. Вернадский как ученый и человек»: «Он любил художественную литературу, родную и иностранную, хорошо знал ее и ценил, следил за нею...» [6, с. 62].

В письме к жене 12 октября 1890 г., посланном из Москвы, В.И. Вернадский сообщает: «Перечел я недавно некоторые из вещей Мюссе, которого люблю как лирика ...» [11, с. 90]. В следующем письме делится с ней впечатлением от пьес Лопе де Вега: «Прочел на днях несколько комедий Лопе де Вега, которого я и раньше кое-что читал. Как-то в настоящем моем настроении мне гораздо больше по душе вещи для театра, чем романы и повести... Комедии нравов, обычной текущей жизни разных времен, народов, эпох очень сильно действуют... Они именно в таких, по необходимости сжатых очерках, как комедии, дают всюду чувствовать самое главное, что направляет жизнь человека теперь, что направляло эту жизнь в XVI—XVII вв. или в V веке до Р. Х.» [11, с. 91].

В письме от 24 февраля 1889 г., посланном из Мюнхена, В.И. Вернадский отвечает на вопрос жены об Оноре де Бальзаке: «...мне кажется, он дает гораздо больше, чем один тонкий анализ человеческого сердца, анализ чувства любви. Он дает еще замечательно четкий анализ всех поводов человеческой деятельности — среди его героев особенно сильно и полно видна индивидуальность как в мелочах, так и в крупном...» [5, с. 276].

Продолжая интересоваться зарубежной художественной литературой, Владимир Иванович делится с женой своим впечатлением о прочитанных книгах. 17 марта 1892 г. он отмечает: «...читаю теперь много, как всегда, среди работы, больше по изящной литературе. Прочел “Bleak house” Диккенса, “Вильгельма Телля” Шиллера и читаю “Сатирикон” и другие отрывки Петрония... это сочинение удивительно живо и сильно рисует среду, когда было написано (времена Нерона), и читается с большим и глубоким интересом» [11, с. 106].

«Какая великолепная вещь “Дон Кихот”. Как много гуманного, как много затрагивается таких вопросов, которые вечно юны, т. к. для всех веков и всех народов они одни, т. к. глубоко лежат в натуре человека», — записал он в дневнике 17 августа 1892 г. после прочтения книги М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» [4, с. 20].

Книги В.И. Вернадского, хранящиеся в музее ТНУ

Насколько разносторонен круг одновременного чтения Вернадского, можно судить по его письму к жене, написанному в Москве 12 сентября 1892 г.: «...читал, кроме новинок в журналах, трагедии Эсхила, а вчера свое плохое настроение изгонял чтением милого Пиквика, еще с интересом читал сборник, изданный Хорватской академией в память Босковича, одного из малоизвестных широкой публике гениев, воззрение на строение вещества которого все более и более получают значение, мне весь строй мысли этого иезуита очень симпатичен...» [11, с. 119—120].

Из русской литературы Владимир Иванович любил читать произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева; М. Горького и А.П. Чехова он оценил позже, в своей «Хронологии» ученый записал 7 января 1942 г., находясь в Боровом: «Горького, которого я оценил тоже поздно, — я оценил настоящим образом за год до Чехова. Чехова прочел и оценил в 1937—1939 в Узком...» [11, с. 204].

«В мире царит... Достоевский; глубоко вошел в общечеловеческое миропонимание Толстой...», — эти слова о великих русских писателях В.И. Вернадский произнес 2 января 1927 г. на открытии выставки, посвященной естествоиспытателю и одному из учредителей Русского географического общества К.М. Бэру [10, с. 426].

Интерес к творчеству Л.Н. Толстого появился рано, поскольку семья ученого находилась под влиянием его произведений. В «Хронологии» за 1883 г. Вернадский вспоминает о занятиях в Студенческом научно-литературном обществе: «...как раз мы познакомились с “Исповедью” Толстого, произведшей на нас глубокое впечатление... Федор Федорович [Ольденбург] вместе с другими студентами — издателями студенческих лекций — гектографировали “Исповедь” Толстого и другие его произведения» [11, с. 35].

Переезд в Москву способствовал более близкому знакомству ученого с писателем, с его философскими взглядами. Со своей стороны, Л.Н. Толстой симпатизировал В.И. Вернадскому и его единомышленникам по кружку «Приютинское Братство». Влияние идей Л. Толстого прослеживается в программном документе «Братства» «Что нам делать и как нам жить?», написанном в 1886 г. Д.И. Шаховским. «Не противьтесь злу насилем» Толстого воспринималось членами «Братства» как «творите, а не разрушайте» и «не прибавляйте разрушения к разрушению» [6, с. 246].

В.И. Вернадский очень высоко ценил писателя, об этом свидетельствует письмо, посланное Л.Н. Толстому из Полтавы 9 июля 1901 г.: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич, позвольте от моей жены и меня выразить Вам чувство нашего глубокого волнения при вести о Вашей болезни и чувство сердечной, искренней радости нашей, когда мы узнали о благополучном лечении... Хотя

мы во многом придерживаемся других взглядов и мнений, чем какие охватывают Вас, но не бесследно прошли и проходят в нашей духовной жизни Ваши стремления высказать правду, как Вы ее понимаете...» [11, с. 183].

Об интересе ученого к творчеству И.С. Тургенева вспоминает родственник В.И. Вернадского А.М. Фокин, на протяжении 30 лет близко с ним общавшийся: «Помню вечер, проведенный в кабинете Владимира Ивановича, это было в 20-х годах. Иван Михайлович Гревс, один из старых друзей, читает свои этюды о Тургеневе. Владимир Иванович слушает, откинувшись в своей неизменной качалке, и на лице его лучезарное благодушие отдыха с выражением не потухающей мысли в глазах» [9, с. 56].

Очень интересны высказывания В.И. Вернадского о Ф.М. Достоевском, приведенные в дневниковых записях 11 марта 1918 г.: «Читал Ветгема, Гертнера, но больше всего Достоевского. Прочел два тома сплошь и теперь читаю 3-й — “Записки из М[ертвого] дома”. Как странно. Я не мог читать Достоевского раньше. Кроме “Записок из М[ертвого] дома” гимназистом прочел “Прест[упление] и наказ[ание]”, “Бедные люди”, позже не всех “Карамазовых” и “Идиота”. Мне тяжел был анализ и его представление о людях. Но сейчас, когда пришлось столько пережить! Я читаю Достоевского как великого русского писателя и ищу у него проникновений в народную душу... Чтение Достоевского открывает передо мной много нового — нового мне великого писателя-гуманиста... В жизни человека иногда настоящей жизнью является один миг. Но из-за этого мига, какую бы разнообразную форму он ни принял, вся жизнь человека приобретает иной смысл. Этот миг... есть часть того вечного, что строит сущность живого вещества, одним из проявлений которого мы являемся...» [1, с. 62—63].

Дочь Владимира Ивановича Нина в своих воспоминаниях «Штрихи к портрету» писала: «Помню, что отец часто говорил о Тютчеве. Он любил украинские стихи, например, Шевченко...» [6, с. 161]. Возвращаясь из Крыма в 1921 г. в вагоне санитарного поезда, Вернадский все полмесяца пути с большим увлечением читал «Столп и утверждение истины» — докторскую диссертацию русского религиозного философа П. Флоренского и очень высоко оценил ее [9, с. 440].

9 октября 1940 г., прочтя книгу о китайском возрождении, он восторженно отзывается о ней и советует жене обязательно ее прочесть: «Я вчера прочел чрезвычайно интересную книгу, производящую на меня громадное впечатление, китайского философа Hu Shin, называется она “Chinese Renaissance”. Я очень хочу, чтобы ты ее прочла. Она поднимает большие и глубокие вопросы в общечеловеческом масштабе» [4, с. 153].

Будучи атеистом, ученый, тем не менее, читает и священные книги, содержание которых не

оставляет его равнодушным и наводит на философские рассуждения, которыми делится с женой в письме от 21 июля 1917 г.: «Среди других книг, которые читаю, читаю сейчас Библию. И как-то странно, одновременно я вижу и чувствую в ней отражение самых несводимых вместе и резко различных настроений моей личности. Я сразу на нее смотрю с непримиримых точек зрения и чувствую целое и единое. Мне часто казалось, что один и тот же человек об одном и том же в одно и то же время может мыслить разное и несводимое в одно и чувствовать единое. И вот теперь это я ярко переживаю при чтении Библии...» [6, с. 138].

Б.Л. Личков в статье «В.И. Вернадский как ученый и человек» пишет: «Кроме научной литературы в области близких ему дисциплин, где он работал творчески, он всегда перечитывал массу книг из далеких и, казалось бы, ему чуждых областей знания — из истории, филологии, языкознания и пр. Книги, над которыми он работал, определенными стопками в строгом, ему известном порядке лежали в его кабинете, и в определенном же порядке он их поглощал. Число их не поддается учету: одни быстро сменялись другими» [6, с. 62].

Круг чтения Вернадского отражает и его интерес к прошлому человечества. «Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой — философская сторона математических наук. И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественноисторическую и потом перейти на историю...» — это строки из письма к Н.Е. Вернадской от 3 января 1889 г. [11, с. 28].

На пересечении этих двух наук у Вернадского возник профессиональный интерес к истории науки, которой он занимался до конца своих дней, начиная с выхода в 1900 г. статьи «О значении трудов М.В. Ломоносова в минералогии и геологии». Об этом пишет Владимир Иванович в своих записках «Главнейшие биографические даты»: «Я работал над статьей “Ломоносов, как минералог и геолог”. В связи с этим я и до сих пор слежу за всей литературой о Ломоносове. Статья имела успех...» [11, с. 169].

Всю свою жизнь В.И. Вернадский собирал личные коллекции книг, которые считал важным инструментом в работе: «...покупать книги по известному предмету — не роскошь и не лишняя трата денег: в известную специальную библиотеку вкладывается всегда знание, мысль. И если она даже не будет в это время никем читаться, кроме владельца, книги эти делают свое дело, и через несколько лет такая, старательно составленная, библиотека является своего рода произведением, общепользуемой работой. И если она не разрознится, этот труд всегда будет полезен. Самое главное, чтобы она хранилась и росла в аккуратном порядке» [5, с. 197—198].

7 февраля 1889 г. ученый пишет: «Я в последнее время серьезно и осторожно (тратил немного) собираю специальную библиотеку (кстати, отдай непременно в переплет Доде (как понравился мой милый Тартарен?), но может быть, потом истрачу сразу на библиотеку 200—300 марок: это не роскошь, а возможность работать... Я могу работать по отделу науки, каким я специально занимаюсь всюду, куда меня судьба не забросит, если у меня будет хорошая специальная библиотека и возможность тратить ежегодно небольшую сумму на реактивы» [5].

Первостепенное значение в совершенствовании человеческой мысли, расширении знаний истории развития науки и культуры В.И. Вернадский придавал библиотеке. У него было свое богатое книжное собрание, о котором он писал, отвечая на вопросы анкеты «Об организации научной работы»: «У меня осталась очень хорошая справочная библиотека: словари, Британская энциклопедия, Брокгауз-Ефрон (дореволюционное издание), биографический словарь ученых Поггендорфа, словари языков, справочники по отдельным наукам, остатки библиотеки классиков русской и иностранной литературы. Я владею (для чтения) всеми сла-

вянскими, романскими и германскими языками» [4, с. 169].

При необходимости, особенно во время своих научных командировок в Европу, ученый много времени проводил за книгами в библиотеках различных стран. Работая над курсом лекций по истории естествознания в Берлинской библиотеке, Вернадский пишет жене 21 июля 1902 г.: «Начал работать в библиотеке и усердно занимаюсь. Сделал уже очень многое, благодаря способности быстро читать. Но передо мной раскрывается такая необъятная, плохо разработанная

область, что я временами совсем нахожусь в смущении... Библиотека огромная, работаю в ней 8—9 часов...» [11, с. 191]. Далее он отмечает: «Теперь читаю Данте впервые по-итальянски: какая сила, и на меня местами он особенно теперь действует. <...> Работаю больше всего в библиотеке, но пока еще мало пишу. А дома читаю текущие вещи и Данте, кончаю его “Inferno” (Ад). Необыкновенно сильно передает она мировоззрение и кругозор прогрессивных людей, стоящих в рамках средневековой школы. Начал теперь читать по истории прикладных искусств и в это время разбирался в истории эмали» [Там же].

В 1908 г., находясь в Лондоне, Вернадский посещает библиотеку, о чем сообщает Наталье Егоровне: «Видел я пока очень мало. Устроился в библиотеке...», позже он пишет: «Неделя, проведенная в Лондоне, пролетела очень быстро. Осмотрел я только часть Британского музея и все его библиотеки» [11, с. 221]. Мысли о достоинствах лондонских книжных собраний не покидали ученого, и 10 октября 1920 г., когда решалась судьба его зарубежной научной командировки, он вспоминает в дневнике: «Невольно думаю о Лондоне, — как-то хочется иметь в руках то могучее орудие, какое дает большая библиотека и «Лабиринт»» [2, с. 101—102].

В.И. Вернадский не только думает о развитии сети библиотек в России, но и работает в этом направлении еще со студенческих лет. 28 мая 1884 г. он записывает в дневнике: «Завтра у меня соберутся для обсуждения народных библиотек. Необходимо подумать и обсудить, какие книги должны предлагаться народу... (мое мнение): 1. Необходимо, чтобы были книги по всем вопросам, волную-

Книги из библиотеки Симферопольской мужской гимназии

щим народ: книги о землевладении, описание мест и путей в России (для переселения), объяснение народных прав, положение разных вероучений, народной школы. 2. Книги о природе... 3. Рассказы из истории страны... До сих пор народ не тронут научными знаниями... Стараться распространять в народе научное мировоззрение, дать ему верное представление о том, в каком положении он находится в государстве и чем он должен быть; доставить ему сведения, необходимые, как в обыденных делах, так и в жизни» [11, с. 43—44].

В 1886 г. Владимир Иванович вместе со своими друзьями участвует в Комитете грамотности и планирует внести новое предложение в его работу, о чем в июне сообщает Н.Е. Старицкой: «В Комитете грамотности надо с осени опять поднять вопрос о библиотеках и читальнях; вопрос о библиотеках далеко не такой далекий и неважный вопрос, как с первого разу кажется» [5, с. 45].

Два года спустя, 1 августа 1888 г., в письме к жене из Инсбрука он снова касается вопроса о народном образовании: «...только одно средство существует предотвратить падение науки и искусства при том или ином социальном изменении... всеми силами и всякими жертвами стремиться расширить образование и глубже заставлять проникать его в народные массы; не сторониться от могущих произойти социальных изменений, не идти против них, а тесно связать их с развитием искусства и знания...» [4, с. 134].

В.И. Вернадский стоял у истоков создания Украинской академии наук и был ее первым президентом. В начале 1919 г. ученый возглавил комиссию по организации научной библиотеки Академии наук. В дневнике за 1919 г. появляются

ся записи: «Создав законопроект о Национальной библиотеке при Академии, необходимо одновременно образовать Временную комиссию для организации библиотеки (выбор места, покупка книг, организация общего каталога киевских ученых библиотек, срок ее работы)» [2, с. 120].

В течение первого года создается огромный фонд, основу которого составили собрания книг из брошенных имений. Вторым источником стали приобретения у местных собирателей и книжников, владельцев больших библиотек. Вернадский лично обследовал эти собрания, определяя их научную ценность.

С просьбой «оказать содействие по приобретению и вывозу из России в Украину книг, рукописей, газет, журналов и прочего для организуемой в Киеве Национальной библиотеки с собранием произведений мысли и знания по всем наукам и на всех языках» Вернадский обращается к А.М. Пешкову (Горькому) в письме 12 марта 1919 г. [8, с. 111].

В это время во всех записях Вернадского появляются сведения о состоянии пополнения Национальной библиотеки: «18 апреля 1919 г. Много научно работал, и это главная часть моей жизни. Заходил в библиотеку, смотрел вновь поступившие библиотеки Головачева и переданную из книжной палаты библиотеку, найденную в подвалах дома Терещенко...» [1, с. 133]. «У Василенко. С ним деловой разговор. Национальная библиотека — ее организация...» [1, с. 120]. Украинская национальная библиотека стала главной научной библиотекой Украины, которая теперь носит имя В.И. Вернадского.

Перед приездом в Симферополь Владимир Иванович сделал запись в дневнике 11 декабря 1919 г.: «Хочется скорее уехать в Крым» [1, с. 194]. После различных перипетий он на корабле прибывает в Ялту, встречается с семьей и поселяется у друзей в имении Бакуниных «Горная Щель». Уже 25 января 1920 г. записывает в дневнике: «Опять хочется в часы своего досуга обращаться к изучению произведений и литературы о них, великих творцах человечества» [3, с. 561—562].

Ко времени переезда ученого в Крым здесь уже был создан Таврический университет. Сначала В.И. Вернадский становится профессором минералогии и кристаллографии, а в начале октября — ректором Таврического университета. На этом посту он применил разработанные им принципы создания библиотеки Академии наук в Киеве для организации университетской библиотеки в Симферополе, вместе с первым ее директором Н.Л. Эрнстом приобретал частные собрания книг: библиотеку сановника екатерининской эпохи В.С. Попова, библиотеки Бакуниных и Корсаковых, Крицкого, Стевена, Кеслера, Головкинского и многие другие. Одной из первейших задач становится пополнение университетской библиотеки, как того требовал ее уровень. Сам Вернадский остро испытывал недостаток текущей научной литературы: «Знание литературы среди ученых ограничивается 1914 г.; дальше здесь на юге попадает случайная книга и случайный журнал. После 1918 г. почти ничего нет. Удар, нанесенный большевизмом печатанию и научной работе непоправим. Сейчас книга становится роскошью» [2, с. 71]. В декабре 1920 г. ректор В.И. Вернадский позаботился о приобретении библиотеки профессора А.Е. Голубева и сельскохозяйственной библиотеки Ломакиной. Библиограф библиотеки Таврического национального университета (ТНУ) Л.К. Чижова обнаружила в архиве документ — подписанное В.И. Вернадским и секретарем Чинновым «Удостоверение» [13] на имя сотрудницы библиотеки Е.Н. Рейтлингер, которую ректор командировал в Кизилташ (у Гурзуфа) и Алушту для ведения переговоров с владельцами книжных коллекций А.Е. Голубева и Ломакиной и выяснения условий передачи указанных библиотек в Таврический университет. Известно, что в имении Кизилташ Ялтинского уезда находилась библиотека по виноградарству и садоводству. Ценное собрание книг профессора-гистолога А.Е. Голубева и его жены Н.П. Сусловой в количестве 4 тыс. экз. поступило в 1925 г. в библиотеку университета, многие книги и сегодня находятся в ее фондах.

В дальнейшем по инициативе В.И. Вернадского в университетскую библиотеку поступила часть библиотеки Карадагской научной биологической станции и часть библиотеки Симферопольской мужской гимназии. Стараясь как-то пополнить фонд университетской библиотеки, многие преподаватели дарили ей личные коллекции книг. Свою лепту в это благородное дело внес и Владимир Иванович, передав в библиотеку книги по геологии, минералогии,

кристаллографии, в том числе и свои научные труды [7, с. 146].

13 апреля 1920 г. он пишет в дневнике: «...Днем на профессорском пикнике на Салгирке... говорил с Гевлехом о судьбе библиотеки гимназии, здесь лучшей. Ее расхищают солдаты. Университет (при Деникине) предпринимал меры — ни к чему. Обещал послать телегр[амму] Врангелю. Раньше говорил с Вл. Оболенским: тоже хотел сделать что-то...» [2, с. 67].

В.И. Вернадский использовал для развития научной и учебной деятельности университета все возможные средства и официальные контакты, общественные инициативы, личные связи. Так, в письме послу России во Франции В.А. Маклакову от 20 октября 1920 г. Вернадский обратился с просьбой выслать книги, журналы, газеты для библиотеки [7, с. 166]. Запрошенные журналы были получены и в настоящее время хранятся в редком фонде библиотеки ТНУ. Кроме того, по инициативе Вернадского, Совет Таврического университета обратился с воззванием к ученым всего мира с просьбой о присылке печатных изданий текущей научной литературы. Эта акция имела успех — ему способствовала благоприятная научная атмосфера 1920-х годов.

В своем «Отчете о научной работе в Крыму», напечатанном в четвертом номере журнала «Наука» за 1921 г., Вернадский пишет: «Созидание университета (Таврического) происходило с огромными трудностями... Но все же многое было сделано. Одним из видных достижений является создание очень недурной университетской библиотеки, первой в Крыму — из нескольких десятков тысяч томов» [7].

Память о пребывании ученого в Таврическом университете до сих пор хранят и его книги, подаренные библиотеке, и документы, которые ему удалось получить для библиотеки университета. Мысль Вернадского о гуманистическом значении крупных библиотек, которые представляют собой явление культуры и объект исторического изучения, остается актуальной и в настоящее время. Сотрудники Научной библиотеки ТНУ проводят большую работу по изучению уникального собрания книг библиотеки, в том числе влившихся в нее коллекций частных библиотек.

ТНУ по праву носит имя академика В.И. Вернадского. Его великое наследие изучается во всем мире. В 2013 г. мировое сообщество отметило 150-летний юбилей ученого, ТНУ принимал в этом активное участие. Над Крымом вечно будет сиять «Малая планета Вернадского» (1978), названная так по решению ученых Крымской астрофизической обсерватории.

Гуманитарное наследие В.И. Вернадского огромно, и к нему еще многие поколения специалистов будут обращаться как к источнику небывало ярких идей, рожденных ученым на протяжении всей его творческой жизни.

Список источников

1. *Вернадский В.И.* Дневники, 1917—1921 : окт. 1917—1920, янв. / В.И. Вернадский ; сост. : М.Ю. Сорокина [и др.] ; отв. ред. К.М. Сытник, Б.В. Левшин ; НАН Украины, Комис. по разработке науч. наследия акад. В.И. Вернадского, Нац. б-ка им. В.И. Вернадского, РАН. — Киев : Наук. думка, 1994. — 269 с.
2. *Он же.* Дневники, 1917—1921 : янв. 1920 — март 1921 / В.И. Вернадский ; сост. : М.Ю. Сорокина [и др.] ; отв. ред. К.М. Сытник, Б.В. Левшин ; НАН Украины, Комис. по разработке науч. наследия акад. В.И. Вернадского, Нац. б-ка им. В.И. Вернадского, РАН. — Киев : Наук. думка, 1997. — 327 с.
3. *Он же.* Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский ; сост., вступ. ст., коммент. М.С. Бастраковой [и др.]. — М. : Совет. Россия, 1989. — 704 с.
4. *Он же.* Пережитое и передуманное / В.И. Вернадский ; авт. вступ. ст. Э.М. Галимов ; сост., коммент. и авт. предисл. С.И. Капелуш. — М. : Вагриус, 2007. — 316 с.
5. *Он же.* Письма Н.Е. Вернадской, 1886—1889 / В.И. Вернадский ; сост. Н.В. Филиппова ; отв. ред. Б.В. Левшин ; АН СССР, Архив АН СССР. — М. : Наука, 1988. — 303 с.
6. В.И. Вернадский : pro et contra : антология лит. о В.И. Вернадском за сто лет (1898—1998) / под общ. ред. акад. А.Л. Яншина. — СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. — 871 с.
7. В.И. Вернадский и Крым : люди, места, события... / Н.В. Багров [и др.] ; гл. ред. А.С. Мнышенко. — 2-е изд., перераб. — Киев : Лыбидь, 2012. — 245 с.
8. Володимир Іванович Вернадський : листування з українськими вченими. Кн. 2. Листування : О-Я / НАН України, Коміс. НАН України з наук. спадщини акад. В.І. Вернадського, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т історії України, РАН, Архів РАН ; уклад. : О.С. Онищенко [та ін.] ; редкол. : А.Г. Загородній [та ін.]. — Київ, 2012. — 691 с.
9. *Аксенов Г.П.* Вернадский / Г.П. Аксенов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Молодая гвардия, 2010. — 565 с.
10. Пути в неизвестное : писатели рассказывают о науке. Сб. 6. — М. : Совет. писатель, 1966. — 429 с.
11. Страницы автобиографии В.И. Вернадского / АН СССР, Архив АН СССР ; сост. Н.В. Филиппова. — М. : Наука, 1981. — 347 с.
12. *Шаховская А.Д.* Хроника большой жизни // Прометей. — 1988. — Вып. 15. — С. 33—85.
13. Удостоверение № 4855 от 31.12.1920 г. // Гос. арх. Автономной Республики Крым. Ф.Р. 538. Оп. 1. Д. 104. Л. 39.